

УДК 82.09

**ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XVII – XVIII вв.:
НОВЫЕ ТРАКТОВКИ**

А.А. Киртичникова

Аннотация

В статье анализируются новые интерпретации переходного периода в русской литературе рубежа XVII – XVIII вв. Особое внимание уделяется точке зрения А.И. Иванниченко, который для характеристики указанного периода использует термин *барочный классицизм*, а также концепции ученых (О.М. Буранка, А.Г. Гокиной и П.А. Ефимовой), обозначивших данный период термином *предклассицизм*. Среди основных черт барочного классицизма называются приобретение типично классицистическими образами нового смысла, осуществление рационально-государственного порядка в игровой форме, а среди основных черт барокко – его переходность.

Ключевые слова: барочный классицизм, переходность, русская литература XVIII века, оды.

В последнее время, в том числе и в системе гуманитарных наук, все больше внимания уделяется проблеме переходности, неразрывно связанной с изучением типологии и динамики разных стадий историко-культурного процесса. Среди ученых, посвятивших свои исследования данному вопросу, можно выделить Н.А. Хренова, В.А. Лукова. Н.А. Хренов, например, отмечает циклическое развитие русской культуры; переходные периоды, по его мнению, возникают именно при смене циклов [1, с. 19]. Исследования В.А. Лукова посвящены такому интересному переходному явлению, как предромантизм. Однако филолог не останавливается исключительно на предромантизме, а выстраивает теорию «предсистем». «В отличие от художественных систем в предсистемах художественные принципы реализуются, как правило, в форме тенденций» [2, с. 102], – подчеркивает В.А. Луков и приводит классификацию тенденций: ретроспективные (свидетельства художественных систем, ушедших в прошлое), перспективные (явления, которые получают развитие в будущем), пульсирующие (то нарастающие, то затухающие).

Одной из наиболее значимых переходных эпох в истории русской культуры в Новое время по праву считается первая половина XVIII в. Пристальное внимание на специфику литературы рубежа XVII – XVIII вв. исследователи обратили после IV Международного съезда славистов, который проходил в Москве в 1958 г. и на котором был поставлен вопрос о русском барокко: «Была ли так называемая литература барокко в славянских странах? Если возможно принять

термин для обозначения некоторых литературных течений XVII – XVIII века, то каковы особенности литературного барокко в славянских странах?» [3, с. 84].

Вообще для русской литературы указанного периода характерно переплетение черт позднего барокко и развивающегося классицизма. Это отмечают все современные отечественные исследователи, однако называют они данный период по-разному. Д.С. Лихачев, например, писал о сосуществовании на рубеже XVII – XVIII вв. двух направлений: барокко и классицизма; В.И. Федоров, А.А. Смирнов, О.М. Буранок говорили об особой художественно-эстетической системе предклассицизма. Интересна, в частности, точка зрения Т.В. Саськовой, утверждающей господство «классицистско-барочной парадигмы в первой половине столетия, в момент складывания и утверждения секуляризованной культуры» [4, с. 105]. Более того, даже ученые, характеризовавшие русскую литературу рубежа XVII – XVIII вв. как чистое барокко или чистый классицизм, все же не отрицали взаимодействия этих двух направлений. «Провести отчетливую грань между русским барокко и классицизмом невозможно, они взаимно обогащают друг друга» [5, с. 703], – пишет Л.И. Сафонова, являющаяся сторонником идеи о господстве барокко в русской литературе рубежа столетий.

Разные термины для обозначения русской литературы рубежа XVII – XVIII вв. используют и зарубежные исследователи. Р. Стейси, применяет термин *preclassicism* [6, р. 18], а также отмечает, как и Р. Веллек [7, р. 97], ограниченность термина *барокко*. Французский исследователь А. Пейр считает, что термин *предклассицизм* (как и *предромантизм*) неудачен: создается видимость существования некоего направления с едиными взглядами, единой программой, хотя речь идет об отдельных писателях, не связанных друг с другом, порой являющихся противниками [8, р. 18].

А.И. Иваницкий утверждал существование в русской культуре барочного классицизма. Если говорить о мировой культуре, то по отношению к ней термин *барочный классицизм* стал употребляться еще в 50-х годах XX в., а само появление подобного термина стало «завершением идеи о взаимодвижении, взаимопроникновении разных стилей одной эпохи друг в друга» [9, с. 17].

Русский барочный классицизм А.И. Иваницкий связывает с именами М.В. Ломоносова, В.И. Майкова, В.П. Петрова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова. Рассматривая образ моря в одах указанных поэтов, исследователь отмечает, что образ моря «не только обнажает механизм перехода собственно классицизма в барочный, но и проясняет внутреннюю мотивацию этого перехода» [10, с. 171]. Таким образом, анализируя оды, он ставит несколько вопросов, связанных с барочным классицизмом.

Во-первых, в чем отличие барочного классицизма от классицизма как такового? Отвечая на данный вопрос, А.И. Иваницкий подчеркивает, что барочный классицизм отличается «поэтически, но не содержательно» [10, с. 171]. По словам исследователя, большое значение для становления барочного классицизма имеют даже не тропы, а «выход новых значений за пределы реальности и государственной прагматики» [11, с. 118]. Так, море становится не ареной русских побед, а объектом покорения, а русский царь «воцаряется в море в качестве “Нового Нептуна”, строящего в “пучине” новую столицу» [11, с. 118]. В целом, согласно концепции А.И. Иваницкого, монарх в произведениях, принадлежащих

к барочному классицизму, выступает как демиург, творящий новый мир, природу и подданных. Подобная идея встречалась у исследователей и ранее. Так, в статье В.М. Живова «Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века» подчеркивается, что при Просвещенном абсолютизме «монарх выступал как соучастник тайного знания, пользующийся им для установления мира, любви и социальной гармонии...» [12, с. 661–662].

Во-вторых, А.И. Иваницкий задается вопросом: с какой целью авторы вводят барочную составляющую? Как отмечает исследователь, барокко помогает утверждать имперское величие России и, более того, согласует классицистическое мировоззрение «с бытийными потребностями коллективного сознания и в том числе властителя» [10, с. 171]. Таким образом, из данной концепции можно заключить, что именно барокко соответствовало тем задачам, которые ставились властью, а барочный компонент отражал мироощущение просветительской эпохи.

Конечно же, анализируя взаимодействие классицизма, где особую роль играет рациональное устройство мира, и барокко, основной принцип которого – принцип «высокого хаоса» – «все во всем», вполне закономерно возникает вопрос: а не нарушается ли это самое рациональное устройство мира? Иными словами, при рассмотрении такого явления, как барочный классицизм, необходимо понять, как же соотносятся в нем два совершенно разных литературных направления.

А.И. Иваницкий, говоря о соотношении барокко и классицизма, во-первых, подчеркивает, что барокко является плодом классицистического мировоззрения, а во-вторых, с уверенностью утверждает следующее: «Барокко не замещало собою классицистический рационально-государственный порядок, а осуществляло его в “витально-динамической” и игровой форме водной феерии» [11, с. 118]. В связи с этим вполне логичным оказывается, что в барочном классицизме монарх становится «олицетворенным средоточием упорядоченного центробежного/центростремительного движения вод», а его подданные – «субъектами движения по этим водам» [11, с. 118]. В целом этот принцип игры, столь типичный для барокко, как отмечает ученый, большое значение приобретает при изображении взаимоотношений верха и низа, центра и периферии: «Классицизм делает их [эти отношения] рационально-логическими, барокко – игровыми» [13, с. 18].

Исследователь стремится доказать, что появление барочного классицизма обусловлено всем историко-литературным процессом в России. В частности, отмечается близость барочного классицизма мифам: «...Барочный классицизм возрождает мифологические, бытийные мотивы построения модели мира человеком, “телесно” осваивающим этот мир себе и себя в нем» [11, с. 118]. Но в то же время говорится и о заимствовании некоторых образов барочного классицизма из европейского «триумфального» барокко. В частности, А.И. Иваницкий пишет, что «в рамках оды море заимствовалось русской поэзией (а точнее, управляющей ею империей) в качестве не литературной, а общекультурной универсалии европейского “триумфального” барокко XVII – XVIII вв.» [10, с. 173].

Важно отметить, что, согласно концепции А.И. Иваницкого, барочный классицизм господствовал в русской литературной культуре в течение практически всего XVIII в., однако при этом он не оставался неизменным. «В последней трети века барочная компонента (в том числе в описании моря) все более осознается классицизмом как самодостаточная и даже избыточная» [11, с. 118], – отмечает исследователь.

Говоря о соотношении черт барокко и классицизма, необходимо рассмотреть и концепции других ученых, многие из которых исследуют проявление барочных черт на уровне языка и стиля, а классицистических – на уровне идей, образов. В качестве примера можно привести статью А.Г. Гокиной и О.М. Буранка «Феофан Прокопович и жанр канта в контексте русской культуры начала XVIII века» [14] и статью П.А. Ефимовой и О.М. Буранка «Феофан Прокопович и развитие песенной лирики в первой трети XVIII века: генезис и эволюция» [15]. В обеих работах для характеристики русской литературы рубежа XVII – XVIII вв. используется термин *предклассицизм*, ученые с помощью метода союзной антитезы стремятся выявить в данном направлении как черты барокко, так и черты классицизма.

«Стилистически эти произведения с метафоричностью и аллегоричностью языка были близки барочным сочинениям Симеона Полоцкого и его учеников» [14, с. 47], – пишут А.Г. Гокина и О.М. Буранок, называя среди черт, роднящих барокко и предклассицизм, метафоричность, аллегоричность, панегиричность. Однако, анализируя стиль произведений Феофана Прокоповича, ученые хоть и признают его близость к барокко, но в то же время подчеркивают стилистическую упорядоченность, точность языка, что говорит о движении к классицизму. «Это в русской литературе в полной мере скажется в эпоху классицизма, но начало “упорядочения и очищения”, несомненно, приходится на петровское время, на предклассицизм» [14, с. 52], – отмечают филологи.

Аналогичная идея представлена и в статье П.А. Ефимовой и О.М. Буранка. Авторы утверждают, что Ф. Прокопович развивает в своих теоретических трудах художественную систему предклассицизма, но при этом окончательно на позиции классицизма, прежде всего в сфере языка, не переходит. «Тредиаковский и Ломоносов, освоив наследие теоретика и практика Феофана Прокоповича, придут к необходимости реформирования языка и стиля» [15, с. 66], – добавляют они. Здесь стоит отметить, что исследователи, указывают и на преодоление Феофаном Прокоповичем рамок барокко. Во-первых, поэт прибегает к новым средствам выразительности: интонация слова, звукопись. Во-вторых, в своей песенной лирике он обращается к новым темам: «Песенная лирика в творчестве поэта значительно расширяется тематически, освобождаясь от многочисленных правил и эстетических запретов барокко, давая возможность рассматривать ее как значительный этап перехода от эстетики барокко к эстетике предклассицизма и классицизма» [15, с. 58].

По мнению исследователей, с другим направлением – классицизмом – предклассицизм роднят те задачи, которые авторы, например Феофан Прокопович, перед собой ставят: прославление деяний императоров, создание некоего сказания о государственном акте. В целом же они отмечают влияние, которое оказало творчество Феофана Прокоповича – наиболее типичного представителя

предклассицизма – на литературу классицизма: «Поэтическое творчество и литературно-теоретические изыскания Феофана Прокоповича готовят почву для блестящего развития в русской литературе XVIII в. (прежде всего в творчестве А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова) и сатиры, и лирической песни, и трагедии, и оды, и литературной теории» [14, с. 45].

А.Г. Гокина и О.М. Буранок, как и А.И. Иваницкий, пишут о переходности русской литературы рубежа XVII – XVIII вв., причем переходность проявляется не только на уровне направлений – барокко и классицизма. Так, они считают, что в первой четверти XVIII в. все еще сильно влияние фольклора: «Перетекание формул-штампов из фольклора в книжную поэзию (и наоборот), от одного автора к другому становится фактом обыденным в литературной жизни петровского времени» [14, с. 49]. Кроме того, сам жанр канта, по их мнению, есть явление переходное: «...Кант как культурный феномен представляет собой синтез традиций (не только русских, но и украинских, белорусских, польских) и новаторских изысканий, открывших путь для ассимиляции западноевропейских культурных норм» [14, с. 53].

Подобную точку зрения развивают в своей статье П.А. Ефимова и О.М. Буранок, где также утверждается очень сильное влияние фольклора на русскую литературу рубежа XVII – XVIII вв. В частности, обращаясь к стихотворению Феофана Прокоповича «За Могилою Рябою», они пишут: «Стихотворение “За Могилою Рябою” стоит у истоков русской литературной (книжной) песни, генетически и типологически близкой к русской, точнее, восточнославянской фольклорной песне» [15, с. 64].

Подводя итог, следует отметить, что в барочном классицизме, с точки зрения А.И. Иваницкого, преобладают такие тенденции, как приобретение типично классицистическими образами нового смысла, осуществление рационально-государственного порядка в игровой форме и т. д. Иными словами, здесь соседствуют два таких, на первый взгляд, несовместимых принципа, как принцип рационализма и принцип игры. Именно при таком подходе, как отмечает исследователь, поэт мог возвеличить Россию и выполнить те задачи, которые ставились перед ним государством. Безусловно, само понятие *барочный классицизм* очень отличается от понятия *предклассицизм*, которое использовали для характеристики русской литературы рубежа XVII – XVIII вв. О.М. Буранок, А.Г. Гокина, П.А. Ефимова, однако есть черты, объединяющие их. Во-первых, и в том и в другом случае ученые говорят о взаимодействии барокко и классицизма, а во-вторых, и барочный классицизм, и предклассицизм характеризуются как явления переходные.

В завершение хотелось бы отметить, что совершенно правы те исследователи, которые говорят об отсутствии в русской культуре чистого барокко или чистого классицизма. Здесь мы сталкиваемся исключительно с промежуточными явлениями, и вопрос состоит лишь в том, какой термин использовать для их обозначения.

Summary

A.A. Kirpichnikova. Transition Period in Russian Literature of the Late 17th and Early 18th Centuries: New Interpretations.

The paper analyzes new interpretations of the transition period in Russian literature of the late 17th and early 18th centuries. Special attention is given to the point of view expressed by A.I. Ivanitskii, who describes the above-said period using the term *baroque classicism*. The concepts of other researchers (O.M. Buranok, A.G. Gokina, and P.A. Efimova), who defined it as *pre-classicism*, are also considered. It is concluded that *baroque classicism* is characterized by the following main features: typical classical images acquire a new meaning; rational-state procedure is performed in the form of a game. The main feature of *baroque* is transitivity. Thus, the principles of rationalism and game are at the basis of *baroque classicism*.

Keywords: baroque classicism, transitivity, Russian literature of the 18th century, odes.

Литература

1. Хренов Н.А. Переходность как следствие колебательных процессов между культурой чувственного и культурой идеационального типа // Хренов Н.А. Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время. – М.: Наука, 2003. – С. 19–134.
2. Луков В.А. Предромантизм: культурное явление и пути его осмысления // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 96–103.
3. Сборник ответов на вопросы по литературоведению: IV Междунар. съезд славистов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 295 с.
4. Саськова Т.В. «Буколическое» как универсальный носитель поэтического в русской литературе XVIII века // XVIII век: Судьбы поэзии в эпоху прозы. – М.: Эконинформ, 2001. – С. 105–115.
5. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. – М.: Яз. славян. культур, 2006. – 898 с.
6. Stacy R.H. Russian Literary Criticism: A Short History. – Syracuse: Syracuse Univ. Press, 1974. – 267 p.
7. Wellek R. The Concept of Baroque in Literary Scholarship // J. Aesthet. Art Critic. – 1946. – V. 5, No 2. – P. 77–109.
8. Peyre H. Quest-ce que cest le Romantisme? – Paris, 1971. – 307 p.
9. Штинарская Е.Н. Взаимоотношение барокко и классицизма: историографический анализ и проблематика: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 1997. – 19 с.
10. Иваницкий А.И. Море в русской одической модели мира (к вопросу о феномене барочного классицизма) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. – Самара: ООО «Ас Гард», 2013. – Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. – С. 171–181.
11. Иваницкий А.И. Море в поэтической модели мира М.В. Ломоносова (к вопросу о феномене барочного классицизма) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2011. – Т. 59, № 5. – С. 115–118.
12. Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры: в 5 т. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – Т. 4: XVIII – начало XIX века. – С. 657–684.
13. Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. – М.: Изд-во РГГУ, 2000 – 186 с.

14. *Гокина А.Г., Буранок О.М.* Феофан Прокопович и жанр канта в контексте русской культуры начала XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. – Самара: ООО «Ас Гард», 2013. – Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. – С. 45–55.
15. *Ефимова П.А., Буранок О.М.* Феофан Прокопович и развитие песенной лирики в первой трети XVIII века: генезис и эволюция // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр. – Самара: ООО «Ас Гард», 2013. – Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. – С. 56–67.

Поступила в редакцию
26.12.14

Кирпичникова Анна Андреевна – соискатель кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: kirpanna@yandex.ru